

Печатный орган Вятской региональной общественной организации жертв незаконных политических репрессий (ВО ЖНПР)

С НОВЫМ ГОДОМ!!!

Вятская региональная общественная организация жертв незаконных политических репрессий сердечно поздравляет всех реабилитированных России с Новым – 2015 годом!

Пусть наступающий год станет одним из самых удачных для Вас и близких Вам людей, оправдает надежды и порадует добрыми переменами, прибавит сил, бодрости и хорошего настроения, принесёт спокойствие и радость в ваши сердца, а уходящий год заберет с собой печали и разочарования.

Впереди у нас – большая, напряжённая работа по восстановлению незаконно отнятых прав на льготы. Эта социальная задача разрешима только общими усилиями реабилитированных всех регионов России. Уверены, что вместе мы успешно решим эту задачу, которой 01.01.2015г. исполнится 10 лет.

Пусть 2015г. принесёт в ваши семьи как можно больше светлых дней, мир и благополучие вашим семьям, родным и близким!

Желаем Вам здоровья, счастья и бодрого настроения!

ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТУ И ПРАВИТЕЛЬСТВУ

*Мы призываем власти к покаянию
За Геноцид, ГУЛАГ, разумного за гранью.
Ничем и никогда не могут быть оправданы
Миллионы жертв, режимом
обезглавленных.*

*Историю не надо перекраивать,
Страницы чёрные нельзя утаивать;
Перед потомками ничто не будет скрыто –
Пусть знают, делают свои пусть выводы.*

*«Времена не выбирают,
В них живут и умирают».
Но можно повлиять на времена -
В руках народа Родины судьба.*

*ВО ЖНПР сегодня знают в Кирове,
Наслышаны о нас по всей Руси;
Да, мы живём, мы стойкие,
мы выдержим,
Но почему не платят нам долги?*

*Мы, жертвы политических репрессий,
Мы пережили этот страшный прессинг,
Он искалечил, поломал все наши судьбы;
С пути раскаянья не свернуть бы!*

*Мы живём, минуя все преграды,
Мы живём судьбе своей назло;
Мы будем жить и вышею наградой
Нам будут справедливость и добро.*

**Инесса Леонтьевна Абрашнева,
реабilitированная, ветеран труда,
член ВО ЖНПР, член Всероссийского
общества слепых, инвалид I группы
по зрению**

ОБРАЩЕНИЕ К УПОЛНОМОЧЕННОМУ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РФ Э.А. ПАМФИЛОВОЙ

Вятская региональная общественная организация жертв незаконных политических репрессий 5 декабря 2014 года (исх. №65) обратилась к уполномоченному по правам человека в РФ Э.А. Памфиловой.

Копии: председателю Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека М.А. Федотову, председателю комиссии при президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий М.А. Митюкову, председателю МХГ Л.А. Алексеевой, председателю международного «Мемориала» А.Б. Рогинскому, Руководителю ОД «За права человека» Л.А. Пономарёву, региональным организациям жертв политических репрессий России.

Уважаемая Элла Александровна!
Полагаем, что информация, направленная Вам письмом от 11.11.2014г. исх. №57, достаточно полно раскрыла состояние дел по реабилитации

репрессированных в России. В нарушение требований действующего законодательства у репрессированных, фактически повсеместно, были отняты права на основные льготы, предостав-

ляемые до 01.01.2005г. В течение 10 лет вся государственная власть (законодательная, исполнительная и судебная) по сути игнорировала огромное количество жалоб и обращений репрессированных. Власть провела неблагоприятную акцию - правовой беспредел в двух действиях (вначале по закону от 22.08.2004 г. №122-ФЗ перенесла финансирование льгот на регионы, а затем лишила репрессированных прав на льготы через законы в субъектах РФ).

Репрессированные России убедительно просят Вас принять все меры по справедливому решению за-

конных прав на реабилитацию – пути её реализации были представлены в газете «Память о ГУЛАГЕ на Вятке» №19. Убеждены, что в этом святом деле Вам помогут не только российские правозащитники. Для информации и контроля направляем ответы из управления Президента РФ.

С уважением. По поручению членов Вятской региональной общественной организации жертв незаконных политических репрессий (ВО ЖНПР).

Председатель Правления ВО ЖНПР М.Х.Магдеев. Контактный телефон (8332) 60-32-23, 8-912-731-09-66.

ВЯТЛАГ

Краткая историческая справка, 1938-1956 годы

ВЯТЛАГ (Вятский исправительно-трудовой лагерь) НКВД (с июня 1946 года – МВД) СССР, организован 5 февраля 1938 года – в соответствии с приказом НКВД СССР № 020.

Непосредственно подчинялся (до ноября 1955 года) Главному управлению лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП) НКВД-МВД СССР.

Официальный адрес: Кировская область, Кайский район, почтовый ящик 231 (почтовое отделение Волосница – до 15 января 1949 года, затем – почтовое отделение Лесное).

Центр: рабочий поселок Рудничный (до декабря 1939 года), затем – станция Лесная («Соцгородок»), с июня 1944 года – поселок Лесной Кайского (ныне – Верхнекамского) района Кировской области.

Общая площадь территории дислокации (к середине 1960-х годов) – около 12.000 квадратных километров.

Количество лагерных подразделений («лагерных пунктов» и «подкомандировок»): от 12-ти в 1938 году – до 38-ми в конце 1950-х годов.

На протяжении всего периода существования Вятлага его структурные подразделения располагались на территории 6 районов Кировской области (Кайского/Верхнекамского, Зуевского, Нагорского, Омутнинского, Фаленского, Халтуринского/Орловского) и города Кирова, двух районов Республики Коми (Койгородского и Усть-Куломского), Гайнского района Коми-Пермяцкого национального/автономного округа Пермской области (ныне Пермского края), а также – в Удмуртии (станция Яр), в Курской области и в Киргизии (город Фрунзе/Бишкек).

Средства транспортного сообщения (до середины 1960-х годов): ведомственный подъездной железнодорожный путь широкой колеи («Гайнско-Кайская железная дорога») общей протяженностью более 250 километров к северу от станции Верхнекамская Пермской (ныне Горьковской) железной дороги; узкоколейные железнодорожные ветки; гужевые и автомобильные (грунтовые и лежневые) трассы (проселки).

Расположен в неблагоприятной природно-климатической зоне: болотистая местность, повышенная влажность (до 80 процентов в среднем за год, осадки – в течение 200 дней в году, ясных дней – не более 40, в отдельные годы – менее 15), дефицит питьевой воды, суровые зимние холода (не менее 140 дней в году – с устойчивыми морозами), летом – частые заморозки и резкие похолодания, обилие насекомых-кровососов (комары, мошка, слепни и т.п.); почвы – скудные, глинистые и песчаные; лесные массивы (ель, сосна, береза) существенно истощены лесными пожарами (крупнейший – в сентябре 1938 года) и сплошными вырубками.

Характер производственной деятельности (1940-е – 1950-е годы): лесозаготовки (от 12,0 до 17,6 процента к среднегодовым объемам в целом по Кировской области), лесопиление (от 6,1 до 15,3 процента к общеобластным объемам), деревообработка (выпуск пиломатериалов, шпал, мебели, лыж, музыкальных инструментов и др.), строительство узкоколейных железных дорог для перевозки леса, автомобильных дорог, обслуживание целлюлозного и кирпичного заводов, ремонтных мастерских различного типа, производство обуви, швейных, гончарных и других изделий широкого потребления, подсобное сельское хозяйство.

Численность спецконтингента (осужденные, «следственно-заключенные» с июля 1941 года, спецпереселенцы – «трудмобилизованные», «трудоармейцы» с февраля 1942 года, «спецпоселенцы», «выселенцы» с 1946 года, военнопленные/1945-1947 годы):

– на 1 апреля 1938 года – 11.855 человек;

– на 1 октября 1938 года – 12.553 человека, из них репрессированные: за «контрреволюционные преступления» (КРП) – 6.865 (54,7 процента), как «социально опасные» (СОЭ) и «социально вредные» (СВЭ) элементы – 2.642 (21,0 процента); «социально чуждый элемент» в целом – 9.507 человек (75,7 процента);

– на 1 июля 1941 года – 16.732 человека;

– на 1 января 1942 года – 28.643 человека;

– на 1 января 1943 года – 16.492 человека, из них: женщины – 2.800 (17,0 процента), репрессированные за КРП – 9.051 (54,9 процента), «трудмобилизованные» (в основном «лица немецкой национальности») – 5.390 (32,7 процента);

– на 1 января 1947 года – 20.904 человека, из них: осужденные – 16.499 (78,9 процента), в том числе женщины – 3.117 (18,9 процента), военнопленные – 2.793 (13,4 процента), спецпоселенцы – 1.612 (7,7 процента);

– на 1 января 1948 года – 24.922 человека, из них: женщины – 5.470 (21,9 процента), репрессированные за КРП – 9.619 (38,6 процента);

– на 1 апреля 1952 года – 35.218 человек, из них: женщины – 5.411 (15,4 процента), репрессированные за КРП – 6.415 (18,2 процента);

– на 1 января 1953 года – 31.410 человек;

– на 15 июля 1953 года – 21.262 человека;

– на 1 января 1954 года – 22.215 человек, из них: женщины – 2.124 (9,6 процента), репрессированные за КРП – 5.796 (26,1 процента);

– на 1 января 1955 года – 22.454 человека, из них: женщины – 2.558 (11,4 процента), репрессированные за КРП – 4.102 (18,3 процента);

– на 1 января 1956 года – 22.447 человек.

Кроме того, при Вятском ИТЛ функционировал (с 1943-го по 1947 год) лагерь для военнопленных № 101, состоявший из шести лагерных подразделений общей наполняемостью до 4.000 человек, а в поселке Рудничном действовали два спецгоспиталя для военнопленных (№ 3007 и № 3171, по 1.500 койко-мест каждый).

За время существования лагеря № 101 в нем погибли 1.518 военнопленных, а в спецгоспиталях №№ 3007-3171 – 4.722.

Лагерь № 101 и спецгоспитали №№ 3007-3171 ликвидированы к концу 1947 года.

В 1956-1957 годах сняты с учета спецпоселенцы, в начале 1960-х годов прекращено содержание в Вятлаге заключенных-женщин.

Численность персонала:

На 22 июля 1941 года: штатная положенность – 2.058 единиц, фактическое наличие – 1.602 человек, в том числе военизированная охрана соответственно – 938 и 866.

На 20 января 1957 года: фактическое наличие – 7.653 человека, в том числе начальствующий состав – 581, солдаты срочной службы (охрана) – 2.280, вольнонаемные работники – 4.570, спецпоселенцы – 222. Некомплект по лагерному сектору – 563 человека.

Начальники Управления: Непомнящий Григорий Самойлович – с февраля 1938 года; Долгих Иван Иванович – с марта 1939 года; капитан государственной безопасности Левинсон Ной Соломонович – с июля 1941 года; полковник Кухтиков Алексей Демьянович – с декабря 1943 года; полковник внутренней службы Дидоренко Сергей Акимович – с февраля 1947 года; подполковник внутренней службы Огородников Кузьма Александрович – с октября 1953 года; подполковник внутренней службы Мартыненко Владимир Никитович – с февраля 1954 года; подполковник внутренней службы Орлов Алексей Вадимович – с января 1955 года по январь 1957 года.

Архив Вятского лагеря (на 1 августа 2001 года): всего по описи – 16.624 единицы хранения; в том числе архивные дела осужденных – 14.764 (9,953 – постоянного хранения, 4.811 – временного хранения), фонд секретариата – 1.860 (постоянного хранения – 1.213, временного хранения – 647).

Архивная картотека специального учета – более 442.000 единиц.

Вятский ИТЛ выделялся как один из лагерей НКВД-МВД с наиболее тяжелыми условиями труда и быта, особенно в 1942-1943 годах, что вело к повышенной смертности узников.

В 1942 году число летальных случаев составило: по всем «спецконтингентам» – не менее 9.090, или 31,6 процента к среднемесячному списочному составу; среди репрессированных по политическим мотивам – соответственно 7.271 и 32,0.

Для сопоставления: в том же году смертность заключенных по ГУЛАГу НКВД СССР в целом составила 17,6 процента (248.877 человек из 1.415.596 «единиц списочного состава»).

На протяжении 1938-1956 годов через Вятский ИТЛ прошли около 100.000 человек, репрессированных по политическим и национальным мотивам, в их числе – граждане двух десятков зарубежных государств, всех республик бывшего СССР, представители 80 национальностей, всех классов, социальных слоев и сословий, основных конфессий.

Судьба многих трагична: около 18.000 нашли вечный приют на вятлаговских погостах.

Анализ причин смертности – по данным 119 архивных личных дел заключенных и «трудоармейцев» (около 0,7 процента от общего списка) и отложившихся в этих делах патологоанатомических документов (актов о смерти) показывает, что эти причины (44 варианта медицинских заключений, включающих 228 конкретных диагнозов) распределяются по следующим группам: общее истощение организма – 64 случая (53,8 процента к числу умерших и 28,1 процента к общему количеству диагнозов); заболевания органов дыхания – 60 случаев (соответственно 50,4 процента и 26,3 процента); заболевания органов сердечнососудистой системы – 54 слу-

чая (45,4 процента и 23,7 процента); заболевания органов пищеварения – 38 случаев (31,9 процента и 16,7 процента); другие патологии – 10 случаев (8,4 процента и 4,4 процента); нет данных (отсутствуют акты о смерти) – 2 случая (1,7 процента и 0,9 процента).

Иными словами: основными причинами высокой смертности узников в Вятлаге являлись голод, холод и непосильный труд.

Небезынтересным представляется и сопоставление показателей смертности среди «спецконтингентов» Вятского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР и трудового концентрационного лагеря Бухенвальд (Германия) в 1938-1945 годах.

За этот период на спецучет Вятлага было поставлено около 90.000 подневольных (без учета военнопленных), в том числе около 30.000 – репрессированных по политическим и национальным мотивам.

Число погибших составило: по первой категории – 21.453 (около 24 процентов от списочного состава), по второй категории – 16.609 (более 55 процентов).

За те же годы в трудовой лагерь «Бухенвальд» водворены 236.062 человека, из которых погибли 33.414 (чуть более 14 процентов от всех зарегистрированных узников).

То есть, показатели уровней смертности среди узников «Бухенвальда» и «спецконтингентов» Вятлага соотносятся (по общим спискам) как 1 к 1,7.

Если же выделить показатель уровня смертности среди всех узников нацистского концлагеря и аналогичный показатель среди «политико-национальных» контингентов Вятского ИТЛ, то соотношение между этими показателями будет выглядеть уже как 1 к 3,9.

На основании этого и других сопоставлений вполне логично констатировать: обе карательные системы (сталинско-гулаговская и нацистско-концлагерная) при всех внешних модификациях действовали с равнозначной и расчетливой бесчеловечностью.

При этом советская система (с точки зрения «убойной силы») в сравнении со своим германским аналогом по некоторым параметрам демонстрировала даже более высокую «эффективность».

В связи с этим нельзя не признать обоснованными выводы бывшего узника Гулага (в том числе и Вятлага), известного отечественного мыслителя Д. М. Панина:

«Что в сталинских лагерях, особенно в 1941-1942 годах, служило газовыми камерами?» – ставит вопрос Д. М. Панин.

И отвечает на него:

«В лесных лагерях большинство уже сильно истощенных в тюрьме и на этапе людей убивали работой на лесоповале в течение двух недель – месяца.

Газ там заменялся:

– ничтожным пайком, убийственным и безо всякой работы;

– отсутствием лагерной одежды (каждый оставался, в чем приехал);

– абсолютно невыполнимыми в тех условиях нормами выработки;

– расстоянием до места работы в 8-9 километров, которое приходилось проделывать дважды в день, часто по заснеженной целине;

– страшными морозами зимой 1941-1942 годов, когда температура воздуха была 35 градусов по Цельсию ниже нуля и выше не подымалась; актировок же не производили, то есть выгоняли в любой мороз на работу;

– работой без выходных дней. Единственный передых был, когда вместо леса выводили за зону, что-

ПРОГУЛКИ ПО СТАРОЙ ВЯТКЕ ТЮРЬМА И ЦЕРКОВЬ

Вятка в царской России XIX века была широко известна как место политической ссылки. Имидж глухомани и медвежьего угла пристал к городу надолго. Оппозиционные режиму люди отправлялись в глубь России из Москвы, Петербурга, национальных окраин с целью наказания. Более 700 военнопленных из великой армии Наполеона жили в нашем городе уже в конце 1812 г. Наиболее известным миру из них генерал Вандам. Вся Россия знала таких вятских ссыльных, как А.И. Герцен (годы ссылки: 1835-37), А.Л. Витберг (1835-40), П.В. Долгоруков (1843-44), М.Е. Салтыков-Щедрин (1848-1856).

Более трехсот поляков были выселены в вятский край только после восстания 1831 г. В основном, ссылка эпохи Николая I – дворянская. Но ссылка второй половины XIX – начала XX вв. – уже разночинская, хотя после польского восстания 1863 г. здесь опять появилось много поляков. Например, художник Эльвио Андриолли (1868-1871), писавший здесь иконы на заказ, дававший уроки юному Аполлинарию Васнецову. Также широко известен в Польше виленский епископ Адам Красинский (1810-1892), живший в вятской ссылке в 1863-1883 гг. Сохранившийся след польской ссылки в городе – костел в центре.

Были здесь и известные социал-демократы (меньшевики и большевики). Например, В.В. Воровский жил в 1899-1901 гг. в г. Орлове, Ф.Э. Дзержинский в 1898-1899 гг. – в Кае. Стоит помнить, что к началу XX в. в Вятке жило лишь чуть больше 25 тыс. человек. Рывок индустриализации и модернизации страны, сделавший город центром будущей оборонной промышленности, был еще впереди.

Менее известна ссылка советской эпохи. В 1934-1937 гг. в г. Кирове жил в

ссылке профессор (будущий академик) филолог-русист В.В. Виноградов, письма которого из Вятки сохранились.

Начнем нашу экскурсию с самого начала улицы МОПРа (до 1918 г. – Острожная) – с высокого берега реки Вятки и набережной Грина. Осмотримся вокруг. Вид на заречные дома – совершенно замечательный. Но называлась улица Острожная совершенно не случайно, ибо с 1836 г. здесь расположено каменное здание пересыльной тюрьмы и ныне используемое по первоначальному назначению. Уголовные и политические заключенные, этапировавшиеся на Север, Урал и в Сибирь – находились здесь иногда подолгу (как в досоветскую, так и в советскую эпоху). Так, известный писатель В.Г. Короленко в 1880 г. был в этой тюрьме 14 дней перед отправлением в вышневолоцкую тюрьму. Издатель Ф. Павленков находился в этой тюрьме почти год (1874-1875 гг.) В эпоху сталинских репрессий тюрьма, как правило, была переполнена, так что в ней побывали многие известные деятели советской эпохи.

Любопытно, что в начале XX в. (незадолго до революции 1917 г.) в восточной стороне главного корпуса тюрьмы имелась своя церковь (Александровская – со священником и псаломщиком в штате тюрьмы). А в 1913 г. в тюрьме была открыта школа, где преподавал тот же священник. Исправно функционировала здесь тогда и библиотека с двумя тысячами книг. Так что забота общества о душах заблудших в те давние времена была явно лучше, чем сейчас.

И все же центром небольшой площади как тогда, так и сейчас была сравнительно небольшая Феодоровская церковь. Она прямо перед вами. Но эта деревянная церковь выстроена в постсоветские годы на месте прежней каменной в 2007 г.

Прежнюю же Феодоровскую церковь, смирившуюся здесь совершенно

замечательно, построил в 1915 г. архитектор Иван Чарушин в романтическом направлении русского модерна из красного кирпича. В ней было два придела: один – Феодоровской иконы Божьей Матери; второй – Романовский, в память трехсотлетия Дома Романовых. Вспомним, что именно иконой Феодоровской Богородицы благословляли юного Михаила Романова на царство в Ипатьевском монастыре.

Под храмом находилась пещерная церковь, ее освятили в 1915 г., а верхний храм несколько позже. В народе церковь часто называли Романовской или Царевской. Павел Шкляев, гласный городской думы и статский советник, пожертвовал на строительство тысячу рублей (больше по тем временам деньги). В 1918 г. он был расстрелян большевиками. Вторым крупным жертвователем был Алексей Истомин – основоположник нашего Ботанического сада.

В 1930 г. эта церковь была закрыта и передана под склад войсковой части. В 1946 г. вновь открыта, а в 1962 г. на волне хрущевских репрессий против церкви опять закрыта. Вятский архиепiscop Поликарп выступил резко против закрытия храма (в городе их действовало тогда лишь два) и был отстранен от должности, отправлен «на покой». А молодой священник – настоятель за несговорчивость переведен в псаломщики.

Так что сила соломой ломит. И в октябре 1962 г. храм был закрыт властями, а прихожан влили в общину Серафимовской церкви. Саму же церковь взорвали в июне 1963 г., якобы в связи с реконструкцией набережной реки Вятки. Что было явной ложью, поскольку строительству набережной церковь нисколько не мешала. По слухам, власти ждали приезда в город самого Хрущева, поэтому и торопились. Кирпич от церкви отдали на строительные работы в городской тюрьме и мо-

щение близлежащих улиц. Очевидное кощунство!

Городской старожил Е. Моралев вспоминал те события так: «А Феодоровскую церковь взорвали в 1962 году. Видно ждали приезда Хрущева. Область наградили тогда орденом за выполнение плана по мясу. Так старались, что даже лошадей всех сдали на мясокомбинат. К этому посещению готовились. Построили дачу на Черном озере. Дорогу заасфальтировали. Но, если до Черного озера ехать, то Феодоровская церковь была очень хорошо видна. Как на ладони, над обрывом стояла. Сияла в лучах закатного солнца. Единственная со стороны реки. Очень красиво смотрелась. Вот и взорвали! А Хрущев не приехал».

Именно отсюда на запад шла старинная Морозовская улица (с 1927 г. – Розы Люксембург). Весной 2008 г. именно здесь – напротив тюрьмы и рядом с храмом – был открыт мемориал жертвам политических репрессий сталинской эпохи. Инициатором создания памятника выступила Вятская региональная организация жертв политических репрессий, которую поддержала и Вятская епархия вместе с другими конфессиями.

Скульпторы В. Бондарев и К. Коциенко (они – муж с женой – долгие годы работают вместе) поместили серый гранитный камень на красный гранитный постамент. Показательно, что камень для постамента взят из памятника Александру III, стоявшему перед взорванным в 1937 г. Александроневским собором. По правому крылу серого камня – трещина, как память, которая болит. А грани серого камня – по замыслу скульпторов – крылья душ невинно убиенных, вечно стремящихся в свободное небо. Плакучие ивы здесь тоже символичны.

**ВИКТОР БЕРДИНСКИХ, ПРОФЕССОР,
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК**

бы на снегу произвести обыск эзков и осмотр их одежды;

– полчищами клопов, а нередко и вшей;

– холодом в бараках...

Двух недель – месяца такой работы было вполне достаточно, чтобы окончательно вывести человека из строя. По истечении этого срока ээк терял остаток сил, не мог уже дойти до дежанки, а чаще всего – и выстоять развод. После этого он умирал медленной смертью.

Это – способ умерщвления людей, во время которого только растягивают муки на месяцы. Смерть от пули не идет ни в какое сравнение с тем, что пришлось пережить многим миллионам погибших от голода. Такая казнь – верх садизма, людоедства, лицемерия...».

Захоронения бывших узников Вятлага расположены в 34-х пунктах на территории Верхнекамского, Зуевского и Фаленского районов Кировской области, Койгородского района Республики Коми, а также в городе Кирове.

Наибольшее число захоронений находится:

– на бывшем 4-м («больничном») лагерном пункте («сангородок» – поселок Полевой-2, в 4 километрах к югу от поселка Лесного по железной дороге) – 3.104 погребения, или 17,2 процента от общего числа;

– на бывшем 3-м лагерном пункте (станция Малый Созим, 6 километров к югу от поселка Лесного по железной дороге, лагпункт и станция ликвидированы в конце 1950-х годов) – 1.959 погребений, или 10,8 процента;

– на бывшем 7-м лагерном пункте (поселок Ягодный, 6 километров по железной дороге к северу от поселка Лесного, лагпункт и поселок ликвидированы в начале 1990-х годов) – 1.814 погребений, или 10,0 процента;

– на бывшем 1-м лагерном пункте (поселок Рудничный, 28 километров к югу от поселка Лесного по железной дороге; 2 километра к северо-востоку от станции Верхнекамская по авто-трассе; лагерь ликвидирован в конце 1940-х годов) – 1.570 погребений, или 8,7 процента;

– на бывшем 5-м лагерном пункте (станция Лесная, 1 километр к северу, поселок/предмесье Комендантский)

– 1.457 погребений, или 8,1 процента;

– на бывшем 6-м лагерном пункте (станция Брусничная, 14 километров к северу от поселка Лесного по железной дороге) – 1.211 погребений, или 6,7 процента;

– на бывшем 10-м лагпункте (станция Фосфоритная, 42 километра к югу от поселка Лесного по железной дороге, лагпункт ликвидирован в конце 1940-х годов) – 1.087 погребений, или 6,0 процента.

– в остальных подразделениях Вятлага и в городе Кирове – около 6.000 погребений, или примерно 33,0 процента.

В настоящее время заброшенные, трудно доступные (по причине бездорожья) прилагерные погосты заросли лесом, могильные холмики сравнялись с землей.

Определить точное место персональных захоронений и идентифицировать их сегодня практически невозможно.

И еще одна грань проблемы.

Шесть томов Кировской областной Книги Памяти (Киров, 2000-2004) со-

держат более 20.000 имен жертв политических репрессий.

Безусловно, это уникальное, знаковое событие – и в общественно-политической жизни нашего края, и в воссоздании подлинной его истории, а труд тех, кто принимал участие в подготовке и публикации этого издания, заслуживает искреннего уважения и глубокой признательности.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в «Кировском мартирологе» нашлось место лишь для немногих сотен упоминаний о тех, чьи судьбы трагически сопряжены с Вятлагом.

Это – единичные проценты от общего формата издания и от тех почти 100.000 человек, кто на собственной судьбе познал в Вятлаге всю тяжесть политического произвола...

Тем очевиднее и настоятельнее необходимость продолжения и завершения ведущейся уже долгие годы работы над «Мартирологом Вятлага» – как скромной, но неотъемлемой составной части непростого труда по созиданию достоверной истории Отечества и вятского края в XX веке.

Судьба инвалидов ВОВ

До сих пор не могу забыть Свердловск начала 50-х годов. Пленных немцев, идущих под конвоем и, главное, наших солдат, вернувшихся с войны инвалидами. Часто видел их у «Американок», маленьких пивнушек, разбросанных по городу. Сколько мне тогда было? Лет 5-6, не больше... А перед глазами, как сегодня, тележка на подшипниках и человек на ней без ног, отталкивается от земли деревяшками, обмотанными тряпками... Потом они в одночасье пропали. Каких только слухов не ходило об их судьбе... Но все старались уверять себя и других, что о судьбе искалеченных фронтовиков государство позаботилось... Пытаюсь сегодня найти хоть какие-то материалы о них, но почти ничего нет. Был бы крайне признателен тем, кто хоть что-то знает, сообщить мне. А пока предлагаю вашему вниманию малую толику того, что удалось найти.

В 1950 году по указу Верховного Совета Карело-Финской ССР образовали на Валааме и в зданиях монастырских разместили Дом инвалидов войны и труда. Вот это было заведение!

Не праздный, вероятно, вопрос: почему же здесь, на острове, а не где-нибудь на материке? Ведь и снабжать проще, и содержать дешевле. Формальное объяснение: тут много жилья, подсобных помещений, хозяйственных (одна ферма чего стоит), пахотные земли для подсобного хозяйства, фруктовые сады, ягодные питомники, а неформальная, истинная причина: уж слишком намозолили глаза советскому народу-победителю сотни тысяч инвалидов: безруких, безногих, неприкаянных, промышленявших нищенством по вокзалам, в поездах, на улицах, да мало ли еще где. Ну, посудите сами: грудь в орденах, а он возле булочной милостыню просит. Никуда не годится! Избавиться от них, во что бы то ни стало избавиться. Но куда их девать? А в бывшие монастыри, на острова! С глаз долой – из сердца вон. В течение нескольких месяцев страна-победительница очистила свои улицы от этого «позо-

ра»! Вот так возникли эти богадельни в Кирилло-Белозерском, Горлицком, Александрово-Свирском, Валаамском и других монастырях. Верней сказать, на развалинах монастырских, на сокрушенных советской властью столпах православия. Страна Советов карала своих инвалидов-победителей за их увечья, за потерю ими семей, крова, родных гнезд, разоренных войной. Карала нищетой содержания, одиночеством, безысходностью. Всякий, попадавший на Валаам, мгновенно осознавал: «Вот это все!» Дальше – тупик. «Дальше тишина» в безвестной могиле на заброшенном монастырском кладбище.

Читатель! Любезный мой читатель! Понять ли нам с Вами сегодня меру беспредельного отчаяния горя неодолимого, которое охватывало этих людей в то мгновение, когда они ступали на землю сию. В тюрьме, в страшном гулаговском лагере всегда у заключенного теплится надежда выйти оттуда, обрести свободу, иную, менее горькую жизнь. Отсюда же исхода не

было. Отсюда только в могилу, как приговоренному к смерти. Ну, и представьте себе, что за жизнь потекла в этих стенах. Видел я все это вблизи много лет подряд. А вот описать трудно. Особенно, когда перед мысленным взором моим возникают их лица, глаза, руки, их неопишуемые улыбки, улыбки существ, как бы в чем-то навек провинившихся, как бы просящих за что-то прощения. Нет, это невозможно описать. Невозможно, наверно, еще и потому, что при воспоминании обо всем этом просто останавливается сердце, перехватывает дыхание и в мыслях возникает невозможная путаница, какой-то сгусток боли! Простите...

Скажу только, что обворовывали их все, кому не лень, и даже те, кому было лень. Дело доходило до того, что на обед в столовую многие ходили с пол-литровыми стеклянными байками (для супа). Мисок алюминиевых не хватало! Я видел это своими глазами. На вопрос кому-либо из них: «Что привезти из Питера?» – мы, как правило, слышали: «Помидорку бы и колбаски, кусочек колбаски». А когда мы с ребятами, получив зарплату, приходили в поселок (так теперь стала называться бывшая центральная усадьба монастыря) и покупали бутылку десять водки и ящик пива, что тут начиналось! На колясках, «каталках» (доска с четырьмя шарикоподшипниковыми «колесами»), на костылях радостно спешили они на поляну у Знаменской часовни, там рядом была тогда танцплощадка. Для безногих инвалидов! Додуматься только! И был здесь же пивной ларек. И начинался пир. По стопарику водки и по стопарику же ленинградского пива. Да если это «прикрыть» половинкой помидорки да куском «отдельной» колбаски! Бог мой, вкушали ли изощреннейшие гурманы подобные яства! И как оттаивали глаза, начинали светиться ли-

ца, как исчезали с них эти страшные извинительно-виноватые улыбки.

А с каким упорством, с какой жадной праздности (всё, что отвлекало от беспросветной повседневности, и было праздником) они «поспешали» к туристическому причалу за шесть километров от посёлка. Посмотреть на красивых, сытых, нарядных людей. Пообщаться иногда хоть одной фразой с ними. Увидеть жизнь. Пусть я повторюсь, но добирались-то, опять же, на костылях, «каталках», колясках. Только «аристократия» (это те, у кого каким-то образом водились деньги) могла позволить себе приплыть на лодке. Конечно, на вёслах, а уж если под мотором (стареньким, чихающим на каждом такте двухцилиндровике), то это уже было подлинной роскошью. Что там сегодняшней «Мерседес 600»! Никакого сравнения!

Показать же богадельню эту туристам во всей ее «красе» было тогда совершенно невозможно. Категорически воспрещалось не только водить туда группы, но даже и указывать дорогу. За это строжайше карали изгнанием с работы и даже разборками в КГБ. И все-таки кто-то прорывался и все равно ходил туда. Но, разумеется, поодиночке или группочками по три-четыре человека. Надо было видеть потом опрокинутые лица этих людей, их шок от увиденного. Особенно страшно встретить женщин в возрасте, потерявших мужей на фронте, да еще получивших не похоронку, а извещение «пропал без вести». Ведь некоторые из них свершали самые настоящие паломничества по таким заведениям. Пытаюсь отыскать своих мужей, сыновей, братьев. Моему поколению явление это памятно: многие инвалиды принимали мужественное решение и добровольно обрекали себя на этот кошмар, лишь бы не быть для семьи обузой.

И жил тогда Валаам двумя жизнями. Одной – домоинвалидской: скудной, печальной и отрешенной. И другой: туристической, развеселой, увлекательной и не просто сытной, но и с излишествами.

В ПАМЯТЬ О МАМЕ

Я, Куркина Надежда Захаровна, родилась в городе Ленинграде в 1931 году. Когда мне было 6 лет, в 1937 году арестовали моего отца. Приговор «15 лет без права переписки» – типичная ложь власти: был сразу расстрелян. Маму вместе с тремя детьми заставили оставить квартиру, всё имущество и сослали в село Суну Кировской области. Жизнь наградила меня суровой, драматической судьбой. Потеря отца велика и невосполнима. В детстве я не была согрета любовью и лаской отца, к которой, как растение к лучам солнца, стремится душа ребёнка. Наши мамы были образцом мужества, доброты и терпения.

Моя мама-это родник тепла. Она повидала много горя, несмотря на это, она не утратила своей душевной черты характера. В ней всегда был оптимизм, жизнелюбие, доброта, честность, скромность, трудолюбие, огромная любовь к людям. Её дети были гордостью и также любила своих внучат.

Всегда была собрана, аккуратна. Обладала даром дарить людям добро.

Она была уверена, что её муж ни в чем не виноват.

Моя мама учила меня ценить людей и честно исполнять свой долг.

Я хочу выразить свою признательность и уважение к своей маме за то, что у неё хватило сил выстоять, что

жизнь её не сломала, дала возможность не только выстоять, но победить. Спасибо ей за мужество, стойкость, терпение. Вся её жизнь – это трудовой подвиг. Память о ней всегда останется в моём сердце. Потомкам хочется сказать – чтите память ушедших поколений. Наши мамы заслужили память на века. Мы – дети – высоко ценим мужество наших мам. Нет границ величию их подвига. Мы не забыли, что достойная жизнь заключается в том, чтобы наполнить трудом каждый миг человеческой жизни.

Посвящается маме.

*Растила детей она,
Усталости не зная,
В заботах, забывая о себе,
Её тепло, её добро*

*Всегда нас окружало,
И ночи не досыпала из-за нас,
И рано волосы покрылись сединой,
Но поздно узнаём порой,
Как надо твой беречь покой.
Тепло дарила нам
И мир родному дому
За всё, за всё спасибо ей.*

Н. З. Куркина, заслуженный учитель РФ. Реабилитированная, ветеран труда, член ВО ЖНПР, P.S. Невзгоды жизни нас не сломили. И мыслями, и душой были мы сильны. Закончила Кировский пединститут, выпустила в школе несколько поколений. Как учитель, я горжусь своими учениками. Многие из них имеют высшее образование и меня – своего учителя – не забывают.